

В. Г. Графский³

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Современные процессы ускоренных и разнонаправленных глобальных перемен так или иначе сказываются на множестве областей жизни отдельных людей и коллективов, в частности на их разнообразном мирном и конфликтном общении, в котором для нас наибольший интерес представляют современное правовое общение и связанная с ним правовая культура. Правовая культура, в свою очередь, пребывает в прямой или косвенной взаимозависимости с национальным законодательством и перспективной национальной законодательной политикой.

Глобальные социально-политические изменения и процессы существуют и обсуждаются в литерату-

ре с давних пор. В то же время их наиболее заметное ускорение произошло на протяжении только последнего столетия и проявилось в виде тех или иных последствий двух мировых войн, нескольких революций,

³ Главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии», «Правовое общение в прошлом и настоящем» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение к журналу «Право Украины») и др. Награжден Почетной грамотой РАН.

научно-технического прогресса, а также в виде последствий развала Советского Союза и связанной с ним сплоченной организации международного сотрудничества социалистических государств, в которых одно время проживала треть всего населения планеты.

В последние два-три десятилетия в мире появились и стали предметом заинтересованного обсуждения различные стратегии перемен демократии в ее настоящем и будущем. Это обсуждение включает различные оценки роли правового регулирования в его национальном, а также региональном и универсальном международном использовании. Эти новейшие для научного и публицистического обобщения темы потребовали обновления приемов анализа. Их к началу XX века не было в традиционном наборе приемов общей теории права или отраслевых наук, поскольку новая социально-историческая обстановка и сама область изучения потребовали более многостороннего понимания не только условий своего сложносоставного происхождения, но также существенно обновленного понятийного аппарата анализа новых эмпирического материала и теоретических позиций в происходящих обсуждениях.

В этой обстановке заметно усиливается просветительная роль правовой философии, которая признается одновременно областью познания философского и правоведческого, причем во втором случае она иногда не вполне убедительно отождествляется (именно отождествляется, а не сближается) с общей теорией права. Еще реже она воспринимается как обособленная и очень влиятельная по своему просветительному потенциалу область знаний и умений, которая в состоянии определять, разъяснять перемены и обеспечивать надлежащей логико-понятийной конструкцией понимание и оценку фундаментальных вопросов и целей в процессе функционирования демократической государственности и соответствующей национальной законодательной политики.

Главное достоинство философии права заключено в ее способности настроить на проведение особого рода изучения и размышлений, которые требуют от каждого человека мобилизации его индивидуальных усилий по освоению исторических или существующих взглядов на социальную роль права, а также способов их практического использования в определении совокупного влияния права в избранной области социальных перемен со всем набором порождаемых ими последствий теоретического и практического характера. Сопутствующий такому восприятию аналитический подход порождает затем задачу нового истолкования и понимания того, какова социальная действенность права и как она проявляет себя в меняющихся условиях демократического государственного устройства. Существенными при этом становятся оценки эффекта изучаемых перемен в их конкретно-историческом воплощении: перемен фундаментальных или неглубоких, имитационных и аналогичных им. Очень важно при этом уяснить, как они выглядят не в узком формально-догматическом и законническом измерении, а в более широком и комплексном восприятии, включающем онтологический, эвристический и этический срезы анализа и оценок.

Такой методологический подход позволяет составить более адекватное представление о характере предметных и аналитических новаций в изучении национального законодательства в связи с ускорением глобальных перемен в человеческой жизнедеятельности на фоне нестабильной социальной и природной среды. В наборе таких аналитических новаций — состоявшихся или только наметившихся — обращают на себя внимание следующие.

1. Новое конструирование исторического знания относительно происходящих экономических, политических и конституционно-правовых перемен путем отказа от штампов портретно-символического восприятия (эпоха Горбачева, эпоха Ельцина и т. д.) и аналогичного по упрощенности их отображения (советский и постсоветский периоды, доперестроечный период и последующий) в пользу новых ракурсов рассмотрения происходящих перемен общенационального и международного плана. Сюда включается анализ особенностей преемственности и новизны в таких переменных или выделяются в их наборе наиболее сложные для полной реализации или реформаторские по значению целевые задачи (обнаруженные несовершенства в области фрагментарного отраслевого или общенационального кодифицированного законодательства, незавершенность судебной реформы, упрощенность аналитических представлений относительно борьбы с коррупцией в структуре важнейших публично-властных учреждений и др.).

2. Ускорение глобальных перемен во многих странах сочетается с ускоренным усложнением традиционных социальных отношений, начиная с области семейных и родственных и вплоть до трудовых производственных и других разновидностей социального общения. В конечном счете возникли две характерные закономерности в ответной регулятивной деятельности. Одна проявляет себя в виде обвального нагромождения законодательного массива норм и регламентаций, а другая — в виде спонтанного и недостаточно продуманного кодифицированного законодательного регулирования. Приведем в качестве иллюстрации законотворческую политику второго рода и поясним это на примере Франции. Эта страна после классической кодификаторской работы времен Наполеона получила почтительное название Страна кодекса. Знаменитый Гражданский кодекс французов 1804 года стал, как известно, образцом для полного или частичного заимствования или подражания в нескольких десятках стран на четырех континентах земного шара и оставался таковым на протяжении двух веков. Он воплощал образец кодификации, выстроенной с учетом очень удобной для восприятия институциональной модели изложения гражданского права, изобретенной римским юристом Гаем во II веке нашей эры, и включал три части, фиксирующие право лиц, вещное право и обязательственное право. Неожиданное расширение структуры кодекса произошло в конце XX столетия. В настоящее время этот кодекс состоит уже из пяти частей (с 1980 г.) вместо трех и включает 2534 статьи вместо первоначальных 2281 статьи, которые за два века существования претерпели 1200 замен и уточнений.

Аналогичная модификация произошла с карательным кодексом 1810 года (четыре части и 484 статьи), который в 1994 году сменился (разумеется, в преемственном варианте) на новый кодекс с тем же набором из четырех структурных частей, но уже с наметками на разработку дополнительных частей. В настоящее время (по состоянию на февраль 2016 г.) его структура увеличена до семи частей с общим числом 727 статей. Законодательные кодификаторские новации в двух фундаментальных отраслях французского права отображают, по нашему мнению, характернейший синдром в современном национальном законодательстве. Его можно назвать синдромом растущей неустойчивости и одновременно увеличивающейся неспособности кодифицированного законодательства своевре-

менно и адекватно откликаться на быстрое образование новых областей для ускоренного законодательного регулирования. Обычно называют два неудобства и соответственно три причины уменьшения роли кодификаторских возможностей в упорядочивании национального законодательства: во-первых, наличие в сегодняшнем правовом общении уникальных случаев, непригодных для кодификационного регулирования; во-вторых, само наличие кодифицированного законодательства ставит преграды творческому мышлению судьи при разрешении им особенно сложных для судебно-правовой квалификации казусов. Наконец, серьезным конкурентом кодексу как бумажному носителю информации стали электронные носители этой же информации.